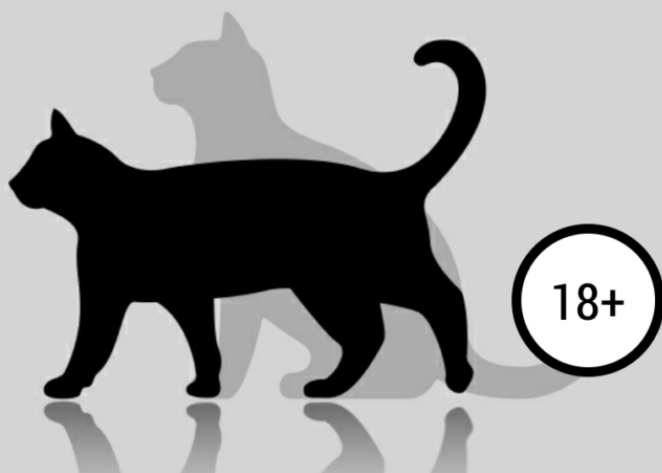

Георгий Толстопятов

МУРЗИК

Рассказ

Георгий Толстопятов

Мурзик

«Автор»

2020

Толстопятов Г. А.

Мурзик / Г. А. Толстопятов — «Автор», 2020

Рассказ о двенадцатилетнем мальчишке, который остался сиротой в блокадном Ленинграде с котом по имени Мурзик. Взгляд на войну и происходящее в Ленинграде в 1941 году глазами ребенка. Суровая реальность блокады, которую не принято показывать, скрывая ее за победной бравурностью.

© Толстопятов Г. А., 2020

© Автор, 2020

Георгий Толстопятов

Мурзик

Весна 1942 года была не такой холодной, как декабрь 1941, но в Ленинграде дела обстояли критически. Артобстрелы и блокада превратили город в решето.

Ленинград, бывшая величавая столица, сейчас лежал в руинах и издавал последние вздохи, словно загнанный умирающий зверь. Даже в революцию было попроще. Так говорили люди.

Пашка не знал, как было в революцию, но почему-то людям на этот счёт верил.

В свои 12 лет он уже успел обзавестись серьезной историей. До войны он жил с родителями на Обводном – место, конечно, не лучшее, но до центра 20 минут пешком. Отец ушёл на фронт ещё в русско-финскую и не вернулся. Мама говорила, что папу даже наградили посмертно, правда, ни могилы отца, ни обстоятельств его смерти Пашка так и не узнал. Мамы не стало зимой. Они уже не жили в квартире, так как снаряд угодил ровно в стену на кухне, разрушив перекрытие. Находиться там стало невозможно – очень холодно. Мама тогда приняла решение собрать все тёплые вещи и переехать в подвал соседского дома.

Пашка остался за мужчину в семье. Правда, он не особо представлял, что от него требуется и поэтому просто помогал Маме, чем мог.

После очередной ночной бомбежки подвал, в котором ютились Пашка с мамой, затопило. Проблемы с подачей воды были в городе постоянно, но именно в эту ночь эта проблема куда-то испарилась. Вода хлестала на протяжении двух часов, а на улице был жуткий мороз. Пашка спал довольно высоко от пола, он не промок, а вот Мама, спасая вещи и хлеб, промокла насквозь, видимо, из—за этого и простудилась.

Они перебрались в сухую часть подвала. К этому моменту от дома оставались одни руины, а из жильцов только Пашка и Мама. Затем только Пашка.

В день, когда умерла Мама, Пашке исполнилось ровно 12. Он смотрел в ее вечно живые зелёные глаза с золотой кромкой и не верил, что их покидает жизнь.

Мама перед смертью отдала ему свою карточку и велела никому не говорить, что она умерла, чтобы Пашка мог получать за неё кусок хлеба ещё хоть какое-то время. Но какой там. На следующий же день, когда он стоял в очереди с двумя талонами в руке, какой-то мужик огрызнулся на него, мол, где мать? Померла, что ль? А ты теперь двойную порцию жрать будешь? У Пашки слёзы так и брызнули. Он побежал бегом оттуда.

Не сказать, чтобы Пашка был очень ранимым мальчиком. Когда пришла похоронка на отца, он особо даже и не плакал, так, слезинка одна пробежала. Боль как-то впиталась, как в губку. Он собрался и выдержал это испытание, как настоящий мужчина! С мамой было сложнее. Ей он слез не показывал. Она только раз заметила слёзы в его глазах, когда она пыталась сходить в туалет, а у неё не получилось. Она упала и вся была мокрая. Пашка, конечно ей помог, оттащил к кровати. Но сменить одежду было уже не на что. В эту ночь ещё сильно сквозило, а печка, как назло, совсем не грела.

Видимо, в эту ночь Мамина болезнь и усугубилась. Пашка в тот вечер топил печку чем мог: книги, мебель, паркет, обои, в ход пошли уже даже старые дырявые штаны. Запах стоял отвратительный. Тепла они давали немного, а дышать было совсем нечем. Дым стоял столбом, но это играло Пашке только на руку. Он мог реветь не опасаясь, что Мама увидит его и огорчится, что ее сын не настоящий мужчина. Он мог свалить все на дым.

В день смерти Мамы он действовал как по инструкции. Укутал ее в пододеяльник, обвязал и с трудом оттащил к Лиговской улице на санках. Там была общая куча, откуда время от времени забирали трупы и отвозили подальше за город, во избежание паники, эпидемии и, прости господи, каннибализма.

А после случая в очереди Пашку как прорвало. Он бежал весь в слезах, они текли не переставая, некоторые успевали немного замерзнуть. Морозный ветер дул прямо в лицо. Мысли неслись кубарём. Мама, папа – их теперь нет, он совсем один. Плач переходил в вой с кашлем. Он нёсся по полуживому городу, навстречу. вяло перебирая ногами, шли абсолютно безжизненные существа, время от времени оборачивающиеся на его плач.

Он бил себя кулаком в грудь, пытаясь заглушить истерику. Сопли из носа пузырями вздувались при всхлипываниях. Он не понимал, куда бежит. Вот мимо пронеслись проспект Нахимова, проспект Володарского, проспект 25 Октября, набережная 9 Января... Нева...

Стоя посреди замёрзшей реки он начал приходить в себя. Пашка упал на колени и зарылся лицом в снег. Просидев так с пол минуты, он огляделся по сторонам в поисках осуждающих взглядов. Но их не было. Как, собственно, и людей.

Со своей точки обзора он заметил, что под мостом сидел мужичок и держал в руке что-то вроде карандаша. Истерика совсем отступила, включилось детское любопытство. Он вытер лицо рукавом и посеменил к мужичку. Оказалось, это был рыбак с маленькой удочкой. Рядом с ним лежали две крохотные замерзшие рыбешки. Да и лунка уже подзатянулась. Этот мужичок странно двигался – руки и ноги были как вкопанные, глаза устремлены в лунку, неподвижно наблюдая за процессом, шевелился лишь живот. Да так неестественно.

И вдруг из живота послышалось: Мяу!

Пашка аж сел на лёд.

Мужичок не обратил на него никакого внимания. И тут Пашка начал понимать, в чем дело. Подошёл ближе. Да, он такое уже видел – мужичок замёрз.

Пашка огляделся по сторонам. Вроде никого. Он вытащил из рук удочку, отодрал рыбешку, примёрзшую ко льду, и снял с мерзляка шапку-ушанку.

Рядом оказался ещё ледобур – вещь полезная, но тяжёлая и приметная. Поэтому Пашка отнёс его и спрятал под опору моста, с расчетом забрать позднее.

Он ещё раз вернулся к трупю, дабы проверить карманы, как вдруг опять услышал: Мяу!

Из-под тулупа выглянул котёнок. Весь белый, с чёрным пятном на левом глазу.

Дрожащий от страха и холода. Пашка в нём сразу признал товарища. Схватил его, запихнул под телогрейку и бегом рванул в сторону дома. Спустя пол часа он был у себя в подвале. Развёл огонь в печке, вытащил котёнка и, отогрев ему рыбу на дверце печки, начал кормить.

«Мамы теперь нету, заботиться я буду о тебе. Я – Пашка, мужчина в этом доме, а ты будешь – Мурзик. Я сегодня ночью заберу ледобур и буду снабжать тебя рыбой.» Котёнок улёгся спать. Всю ночь Пашка следил за ним, ему почему-то показалось, что глаза котёнка очень похожи на мамины. Такие же зелёные с желтизной. Ну и, конечно, проникся он к нему со всей ребяческой силой. А дальше дни шли довольно похожие. Пашка добывал пропитание для Мурзика, так как тот наотрез не хотел есть хлеб, а Мурзик, в свою очередь, радовал Пашку играми и грел холодными ночами.

В заботе о котёнке время несло молниеносно, не давая минуты продыху. Ведь себя прокормить – только пол дела, а вот найти съестное из кошачьей кухни в оголодавшем Ленинграде – это другой вопрос. Мурзик рос не по дням, а по часам, становясь красивым пушистым котом. Не таким огромным сметанным котом, каких Пашка видел до войны, но тоже был довольно крупным. Пашка им гордился. Под утро, когда бомбежки затихали и весь город замирал, Пашка рассказывал Мурзику о том как они заживут, когда война закончится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.